

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Ф.Г. Макарьев

**Реформа духовно-учебных
заведений и в частности
духовных училищ**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1906. № 1. С. 137-157.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Реформа духовно-учебныхъ заведеній и въ частности духовныхъ училищъ.

ОХВАТИВШЕЕ нынѣ нашу многострадальную родину реформаціонное движеніе, направленное къ уврачеванію застарѣлыхъ язвъ государственно-общественной жизни, безъ сомнѣнія, не можетъ не коснуться также современной школы вообще и духовной въ частности, которая также не свободна отъ многихъ уже давно и глубоко развѣдающихъ ее недуговъ, расшатавшихъ всѣ ея основныя устои и сдѣлавшихъ ее уже не способною найти въ себѣ нужныя силы къ самоуврачеванію, безъ особаго врачебнаго воздѣйствія извнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что значатъ всѣ эти хроническіе, уже нѣсколько лѣтъ длящіяся „безпорядки“ не только въ среднихъ, но и низшихъ школахъ, соединенные иногда съ буйными, неудержимо-стремительными порывами къ разрушенію всей окружающей школьной обстановки, къ кощунственно-дерзкому оскорбленію святыни собственнаго школьнаго храма и къ грубому насилію надъ личностію своихъ наставниковъ и воспитателей, — безпорядки, при которыхъ обыкновенно исчезаетъ даже послѣдняя тѣнь былого авторитета школьнаго начальства и нравственнаго престижа всей школьной корпораціи? Съ другой стороны, что значитъ это, по мѣстамъ, почти поголовное бѣгство перворазрядныхъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій то въ высшія свѣтскія школы, то по разнымъ распутіямъ жизни, но вообще—въ сторону отъ ихъ прямого призванія—служенія церкви? Не значитъ ли это, что та „соль земли“, которая должна бы исходить изъ нѣдръ духовной школы, нынѣ уже „обуяла“, что самая школа эта уже не мила болѣе сердцу ея питомцевъ, словомъ—что она чѣмъ-то серьезно недомогаетъ въ самомъ существѣ ея настоящей организаціи и, какъ замутившійся источникъ, даетъ мутный и нездоровый потокъ...

Въ чемъ же именно заключаются дѣйствительные недуги современной духовной школы, приводящіе къ столь печальнымъ результатамъ, и что можетъ быть предпринято для ихъ уврачеванія?

Не считая себя компетентнымъ для сужденія о положеніи средней и высшей школы, позволю себѣ остановить вниманіе читателей на низшей ступени духовнаго образованія—духовныхъ училищахъ. Быть можетъ, мы увидимъ, что первоначальное замутнѣніе нѣкогда добраго источника просвѣщенія начинается именно здѣсь...

Наиболѣе существенными недостатками современнаго строя духовныхъ училищъ, частію унаслѣдованными по традиціи отъ старыхъ временъ, частію вошедшими въ жизнь вмѣстѣ съ Уставомъ 1884 года,—недостатками, дѣйствительно, не мнящимися ни съ основными задачами самой школы, ни съ потребностями и запросами современнаго общества,—по нашему мнѣнію, должны быть признаны слѣдующіе:

1. *Неопредѣленность и незаконченность самаго школьнаго типа духовныхъ училищъ.* Въ самомъ дѣлѣ, что такое духовное училище въ отношеніи къ его назначенію? Есть ли это особый типъ специальныхъ школъ, или оно принадлежитъ къ типу школъ общеобразовательныхъ? Смѣемъ думать, что—ни то, ни другое. Прежде всего, оно никоимъ образомъ не можетъ быть признано какой-либо специальной школой, ибо, хотя уставъ и опредѣляетъ училище, какъ школу, имѣющую своимъ назначеніемъ „подготовленіе дѣтей къ служенію православной церкви“, но въ его учебномъ курсѣ, въ сущности, не имѣется никакихъ наукъ, коими оправдывалось бы его особое конфессіональное назначеніе, кромѣ развѣ Церковнаго Устава. Да и сей послѣдній предметъ, при отводимомъ для него обычно лишь одномъ урокѣ въ недѣлю, занимаетъ столь скромное положеніе въ ряду другихъ предметовъ училищнаго курса, что о какой-либо дѣйствительной спеціализаціи учащихся хотя бы въ этой области не можетъ быть и рѣчи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ училище не есть и особая общеобразовательная школа съ болѣе или менѣе законченнымъ курсомъ, съ одной стороны, потому что въ составѣ его учебныхъ предметовъ мы не видимъ такихъ, которые бы давали болѣе или менѣе разностороннее умственное развитіе, или такихъ, которые бы сообщали учебному курсу данной школы какую-либо практически-жизненную цѣнность, съ другой—потому, что въ составѣ этихъ предметовъ имѣются зато такіе, какъ древніе языки, элементарное изученіе коихъ для законченной школы, разумѣется, не имѣло бы смысла, по совершенной безцѣльности и непримѣнимости такового изученія въ практической жизни. Введеніе классицизма въ училищный курсъ, повидимому, указываетъ какъ будто на то, что, не будучи законченной школой, духовное училище представляетъ собой лишь обособленные начальные

классы одной общей среднеобразовательной духовной школы, прямымъ продолженіемъ которой служить семинарія. Но и эта роль училища—скорѣе лишь кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная, если принять во вниманіе, что до самаго послѣдняго времени окончившіе училищный курсъ воспитанники не переводились въ семинарію, а выпускались лишь съ правомъ держать въ послѣднюю, какъ и во всякую другую школу, особый вступительный экзаменъ,—каковымъ правомъ, нужно добавить, фактически пользовались, однако, далеко не всѣ изъ училищныхъ воспитанниковъ. Если же нынѣ училищнымъ правленіямъ и представлено право перевода въ семинарію воспитанниковъ, окончившихъ училищный курсъ, то опять-таки не всѣхъ, а лишь „достойныхъ“ онаго перевода и притомъ „съ строгою осмотрительностію“. Ясно, что и при прежнемъ и при настоящемъ порядкѣ вещей всегда было и будетъ не мало питомцевъ духовнаго училища, для коихъ это послѣднее является какой-ни-на-есть „общеобразовательной“, но... по неволѣ „законченной“ школой. —Какой же, однако, научно-умственный багажъ и подготовку къ жизни таковыя питомцы могутъ вынести изъ этой школы столь неопредѣленнаго и незаконченнаго типа? —Сейчасъ мы увидимъ это.

2. *Крайне скудный по образовательному значенію и односторонній по своему характеру составъ преподаваемыхъ въ училищѣ предметовъ.* Какъ бы мы ни смотрѣли на духовное училище съ точки зрѣнія его назначенія, какъ на конфессіональную или какъ на общеобразовательную школу, — и въ томъ и другомъ случаѣ настоящей составъ учебныхъ предметовъ этой школы долженъ быть признанъ совершенно не удовлетворяющимъ своему назначенію. По Уставу 1884 года, въ составъ училищнаго учебнаго курса входятъ: Свящ. Исторія, Катихизисъ, ариѳметика, географія, языки — русскій, церковнославянскій, греческій, латинскій, пѣніе, чистописаніе. Мы видимъ здѣсь, такимъ образомъ, исключительное господство языковъ (во II кл.—4 яз. изъ 8 предм., при 13 изъ 23 нед. ур., а въ III и IV кл.—5 яз. изъ 10 предм., при 15 изъ 23 недѣльн. ур.), которые, если и изощряютъ до извѣстной степени умъ съ формальной стороны путемъ сравнительнаго изученія и разнообразнаго комбинированія этимологическихъ формъ въ ихъ примѣненіи къ выраженію мыслей, а также путемъ логическаго анализа синтаксическаго строенія рѣчи, зато, съ другой стороны, не даютъ почти никакого идейнаго содержанія ни уму, ни сердцу, — кромѣ развѣ нѣкотораго количества отдѣльныхъ афоризмовъ, — а чрезъ постоянную, тысячекратно повторяемую по каждому языку и на каждомъ урокѣ лингвистическую эквилибристику, несомнѣнно, до крайней степени утомляетъ умъ, чрезмѣрно пріучаютъ его къ пассивному воспроизведенію готоваго мертваго матеріала и въ то же время притупляютъ, за отсутствіемъ надлежащаго

упражнения, наиболѣе цѣнную работу ума—активную выработку живыхъ идей, въ концѣ же концовъ неизбежно поражаютъ въ сердцѣ лишь горькій осадокъ скуки, безсодержательной пустоты и неудовлетворенности. Между тѣмъ, при столь незаслуженно доминирующемъ положеніи въ училищѣ языковъ и главнымъ образомъ „мертвыхъ“, съ ихъ весьма проблематическою значимостью для огромнаго большинства учащихся въ какой бы то ни было общеобразовательной школѣ ¹⁾, мы не видимъ въ составѣ училищныхъ предметовъ ни хотя бы самаго элементарнаго курса исторіи Христовой Церкви, на служеніе которой именно и готовитъ училище своихъ питомцевъ, ни исторіи родной страны, которую въ доступномъ объемѣ съ юныхъ лѣтъ долженъ знать и уроками которой долженъ вдохновляться питомецъ всякой русской школы, ни какихъ-либо другихъ наукъ, представляющихъ для учащагося болѣе или менѣе живой интересъ, отвѣчающихъ его естественной любознательности или дающихъ возможность извлечь какую-либо понятную и ощутимую для него практическую пользу.—Спрашивается, какую же цѣнность можетъ имѣть „образование“, питающееся почти на половину лишь „мертвыми“ останками „бывшихъ“ языковъ,—образование, столь далекое отъ какого бы то ни было образа и подобія дѣйствительно „образованнаго“, т. е. хотя чуть-чуть умственно-сформированнаго, опредѣлившагося и приспособленнаго къ жизни человѣка? Въ частности, какую подготовку хотя бы для „служенія церкви“ можетъ дать такая школа тѣмъ своимъ питомцамъ, которые, какъ было отмѣчено выше, благополучно закончили полный курсъ ея, но—безъ права или возможности поступленія въ семинарію? Какими сколько-нибудь реальными и цѣнными для жизни и служенія Церкви познаніями эти будущіе псаломщики и діаконы (а кое-гдѣ и іереи) будутъ отличаться отъ своихъ темныхъ прихожанъ и какимъ умственнымъ достояніемъ могутъ подѣлиться съ ними? Можно ли удивляться тому, на примѣръ, что, не имѣя даже элементарнѣйшаго понятія о естественныхъ законахъ и явленіяхъ окружающаго Божьяго міра, нашъ низшій клирикъ перѣдко раздѣляетъ съ темнымъ простонародьемъ почти всѣ его суевѣрія и повѣрія, его наивную вѣру въ домовыхъ и лѣшихъ, примѣты и заговоры?

¹⁾ Характеристика почтеннаго автора есть результатъ наблюденія, конечно, надъ подлинною, живою дѣйствительностью, по причину прискорбнаго положенія дѣла нужно искать, повидимому, въ несовершенствѣхъ наличной постановки его. Что же касается вопроса вообще о значеніи языковѣднія для духовно-учебныхъ заведеній, то на этотъ счетъ сужденія могутъ быть совсѣмъ иныя. Въ нашемъ журналѣ на эту тему недавно была помѣщена компетентная статья о протоіерея М. И. Орлова, профессора-языковѣда нашей академіи (Христ. Чтеніе, 1905, ноябрь, 613—623).

Или, можно ли ожидать, что эти клирики, призванные, по своему назначенію и положенію среди темной народной массы, не къ соучастію только въ совершеніи церковныхъ службъ и требъ, но къ посильному сотрудничеству своему приходскому священнику въ дѣлѣ пробужденія и укрѣпленія среди оной народной массы православно-русскихъ началъ, будутъ хотя сколько-нибудь правоспособны къ этому дѣлу, въ частности—къ уясненію и укрѣпленію православно-церковнаго и національно-русскаго самосознанія въ години тяжкихъ испытаній? — Или еще, могутъ ли клирики, при повседневномъ общеніи съ народомъ и постоянномъ созерцаніи тѣхъ антигигіеническихъ условій, среди которыхъ онъ живетъ и которыми создаются очаги всякаго рода заразы и эпидемій, подтачивающихъ народныя силы и обычно уносящихъ столько напрасныхъ жертвъ, особенно же — дѣтскихъ жизней, — могутъ ли они въ потребныхъ случаяхъ преподать разумный и благовременный совѣтъ относительно того, какъ благоустроить свое жилье, чтобы жить почеловѣчески, какъ предохранить себя отъ возможныхъ, но устранимыхъ заболѣваній, и какія мѣры принимать при возникновеніи оныхъ до прибытія далеко не всегда и не легко доступнаго врача? Нѣтъ, и нѣтъ,—по всѣмъ пунктамъ „нѣтъ“.

3. *Неудовлетворительность самой постановки изученія отдѣльныхъ предметовъ училищнаго курса.* Помимо крайней неполноты и односторонности существующаго нынѣ училищнаго курса, въ самой постановкѣ изученія нѣкоторыхъ изъ нынѣ преподаваемыхъ въ училищѣ предметовъ нельзя не отмѣтить весьма существенные дефекты.

Во-первыхъ, если бы даже признать *raison d'être* въ училищѣ двухъ древнихъ языковъ, то все же отнюдь нельзя признать нормальнымъ то обстоятельство, что изученіе обоихъ языковъ положено начинать въ одномъ и томъ же II классѣ. По нынѣ дѣйствующему уставу, въ означенномъ классѣ, кромѣ искусствъ—дѣнія и чистописанія, преподаются науки: Законъ Божій, ариѳметика, русскій языкъ, славянскій яз., греческій яз. и латинскій яз., т. е. изъ шести всего предметовъ—четыре языка и притомъ два древнихъ—сразу вновь. Отсюда же, помимо чрезмѣрнаго однообразія и сухости учебнаго матеріала, какъ свидѣтельствууетъ педагогическій опытъ, проистекаетъ то, что учащіеся то и дѣло смѣшиваютъ грамматическія формы одновременно изучаемыхъ языковъ—русскаго и славянскаго, латинскаго и греческаго, и, вслѣдствіе неизбѣжной разноголосицы между учителями русско-славянскаго, латинскаго и греческаго языковъ въ самыхъ опредѣленіяхъ общихъ всѣмъ имъ основныхъ этимологическихъ и синтаксическихъ понятій, перепутываютъ эти послѣднія.

Во-вторыхъ, существующее распредѣленіе уроковъ по русскому и церковно-славянскому языкамъ, съ отнесеніемъ 10 уроковъ къ I классу и 9 уроковъ ко всѣмъ прочимъ

классамъ, представляется крайне нецѣлесообразнымъ, такъ какъ для I класса, гдѣ изучаются лишь части рѣчи измѣняемая, 10 уроковъ въ недѣлю далеко превышаютъ дѣйствительную потребность въ нихъ и, вслѣдствіе почти ежедневнаго двукратнаго повторенія ихъ, сообщаютъ всему учебному дѣлу въ этомъ классѣ монотонный и утомительный характеръ; зато для старшихъ трехъ классовъ (II—IV), гдѣ заканчивается и повторяется вся этимологія по русскому и славянскому яз. (II кл.) и изучается во всѣхъ подробностяхъ весь синтаксисъ того и другого языка (III и IV кл.), гдѣ, кромѣ того, должна вестись наиболѣе производительная работа преподавателя съ учениками по объяснительному и выразительному чтенію, по подготовкѣ и разбору домашнихъ письменныхъ работъ, или сочиненій, — работа, требующая интенсивнѣйшаго напряженія мысли и немалой затраты времени, — для этихъ классовъ положенныхъ 3-хъ уроковъ въ недѣлю совершенно недостаточно.

Въ-третьихъ, преподаваніе въ училищѣ Закона Божія, къ коему относятся Св. Исторія, Катихизисъ и Церковный Уставъ, по самому положенію дѣла, страдаетъ отсутствіемъ строго выдержанной идейности и жизненности. Въ самомъ дѣлѣ, что такое *Св. Исторія*—Ветхаго Завѣта, какъ предметъ учебный въ его современной постановкѣ? По идеѣ, это — рядъ хронологически послѣдовательныхъ рассказовъ о ветхозавѣтныхъ событіяхъ и главнымъ образомъ — изъ жизни народа еврейскаго, какъ народа богоизбраннаго, изъ среды котораго, по обѣтованіямъ Божиимъ, долженъ былъ родиться Спаситель міра и который Господь „многочастнѣ и многообразнѣ“, и словомъ и дѣломъ, приготавливалъ къ унаслѣдованію обѣтованнаго Царства Мессіи. Съ точки зрѣнія этой основной *мессіанской идеи* даннаго предмета, въ немъ на всемъ его протяженіи должна бы проходить красной нитью и всецѣло доминировать именно эта *идея* и, слѣдовательно, должны бы излагаться лишь такія событія, въ коихъ такъ или иначе, положительно или отрицательно, воплощалась бы эта идея въ жизни еврейскаго народа — ожиданіе Мессіи и приготовленіе къ принятію Его. Что же, однако, мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Съ точки зрѣнія дѣйствующей программы даннаго предмета и всѣхъ учебниковъ, приуроченныхъ къ ней, Священная Исторія — это просто исторія еврейскаго народа, со всѣми пережитыми имъ въ теченіе вѣковъ національно-бытовыми чертами и политическими передрагами, — исторія, гдѣ есть, конечно, и мессіанскій элементъ, но гдѣ онъ прямо подавляется и часто совсѣмъ затушевывается иными, чуждыми элементами, гдѣ все приносится въ жертву еврейству, какъ особому культурно-историческому типу, гдѣ политическія вождедѣнія, союзы и военныя столкновенія этого народа съ другими народами излагаются съ эпически-объективнымъ безразличіемъ, какъ нѣчто должное и самодавляю-

щес. Но... гдѣ же тутъ мессіанство-то? къ чему всѣ эти до крайности запутанныя и многосложныя подробности, столь трудно дающіяся учащимся, изъ политической исторіи евреевъ, напр., по раздѣленіи ихъ на два отдѣльныя царства? Во всемъ этомъ лабиринтѣ частію мелочныхъ, частію даже нравственно-неприличныхъ событій изъ жизни разныхъ Іезавелей и Гоолий, Іорамовъ и Охозій, Амановъ и Мардохеевъ, можно сказать—„изъ-за деревьевъ не видно лѣсу“,—не видно именно того, какое отношеніе имѣетъ все это къ обѣтованному и ожидавшемуся евреями Мессіи-Христу. Очевидно, для того, чтобы учащіеся ясно сознавали цѣль изученія Священной Исторіи и понимали истинный, знаменательный и глубоко-поучительный смыслъ излагаемыхъ въ ней событій, необходимо совлечь съ нея столь рѣзко господствующій въ ней національно-еврейскій обликъ и оставить лишь то, что дѣйствительно имѣло въ жизни евреевъ провиденціально-мессіанскій характеръ и значеніе—не для евреевъ только, но и для человѣчества вообще. Если же признается нужнымъ изученіе въ училищѣ исторію еврейскаго народа, какъ особаго культурно-историческаго типа, то почему же не изучается, напр., исторія грековъ и римлянъ, народовъ, которые внесли въ сокровищницу общечеловѣческой культуры неизмѣримо больше, чѣмъ этотъ „жестоковѣйно“—кровожадный, легкомысленно и безъ разбору перенимавшій все отъ другихъ, маленькій народецъ—еврей?..

Едва ли можно признать идеальнымъ и настоящее положеніе *Катихизиса* въ составѣ наукъ училищнаго курса, безъ нѣкотораго особаго дополненія къ нему или въ немъ самомъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ, именно въ видѣ учебника митроп. Филарета, получившаго значеніе символической книги православной церкви, катихизисъ представляетъ собой, безъ сомнѣнія, выдающееся созданіе великаго православнаго ума, но... только не для дѣтей 13—15 лѣтъ. Въ немъ именно „въ краткихъ, но точныхъ словахъ“, строго выдержаннымъ, хотя и устарѣлымъ уже богословскимъ языкомъ и свойственною его великому автору глубиною мысли изложены всѣ основныя истины православной вѣры; но это все же лишь *отвлеченныя* и слишкомъ *глубокомысленныя* истины для малоразвитаго и привыкшаго мыслить лишь конкретными образами дѣтскаго ума,—истины, при содѣйствіи учителя, быть можетъ, и безъ особаго труда усвояемыя умомъ, но едва-ли сколько-нибудь сильно затрогивающія сердце. Между тѣмъ, катихизисъ, какъ предметъ Закона Божія, казалось бы, болѣе чѣмъ какой-нибудь другой предметъ школьнаго обученія, долженъ имѣть не только образовательное, но и воспитательное значеніе для учащихся. Задача изученія катихизиса должна заключаться не въ томъ только, чтобы учащійся умѣлъ отвѣтить на вопросъ: „како вѣруеши?“ но и въ томъ, чтобы онъ усвоилъ содержаніе своей вѣры всѣмъ сердцемъ своимъ и,

если не всегда ясно сознавать, то всегда глубоко чувствовать нравственную потребность вѣровать такъ, а не иначе и вѣру свою воплощать въ своей жизни. Что же для этого нужно? — Нужно, чтобы или среди текста катихизиса, въ видѣ какъ бы подстрочныхъ примѣчаній, или особо отъ него, но параллельно съ его изученіемъ, въ видѣ особаго, прикладнаго предмета по Закону Божию, катихизическія вѣроучительныя и нравоучительныя отвлеченныя истины иллюстрировались предъ учащимися въ избранныхъ наглядно поучительныхъ живыхъ примѣрахъ изъ области агіографіи христіанской церкви, — въ примѣрахъ какъ твердаго, стойкаго исповѣданія извѣстныхъ христіанскихъ истинъ, особенно — изъ эпохи гоненій противъ вѣры Христовой и борьбы церкви съ ересями, такъ и высокихъ христіанскихъ добродѣтелей въ жизни. Включеніе въ кругъ предметовъ училищнаго курса именно такового прикладнаго къ Закону Божию сборника систематически и цѣлесообразно подобранныхъ „Примѣровъ христіанскаго благочестія“ не только содѣйствовало бы болѣе сознательному и плодотворному усвоенію даннаго предмета, но и восполнило бы вообще чувствуемый нынѣ пробѣлъ въ курсѣ училищныхъ наукъ, дающихъ не мало пищи для ума, но весьма мало для сердца и ровно ничего для надлежащаго направленія воли. И это какъ нельзя болѣе благовременнымъ слѣдуетъ признать именно теперь, когда, съ одной стороны, повсюду идетъ ожесточенная (и добавимъ — справедливая) борьба противъ всякой мертвой схоластики въ школѣ, и предъявляется требованіе внести въ послѣднюю побольше „духа жива“, съ другой — учащіеся всѣхъ возрастовъ усиленно подвергаются разнаго рода отрицательнымъ вліяніямъ со стороны людей, порвавшихъ всякія связи съ христіанскими началами вѣры и жизни, слѣдовательно — когда учащіеся съ юныхъ лѣтъ съ особымъ рвеніемъ должны и въ умѣ и въ сердцѣ проникаться оными началами, воплощая ихъ именно въ живыхъ образахъ чтимыхъ церковію великихъ подвижниковъ вѣры и благочестія.

Что касается *Церковнаго Устава*, то преподавателю этого предмета приходится считаться съ тою изстари идущей аномаліей, что у насъ имѣются какъ бы два Устава: одинъ — въ церковно-богослужебныхъ книгахъ, „протяженно-сложенный“, составленный специально для монастырскаго уклада жизни и фактически выполняемый во всей его полнотѣ лишь въ немногихъ, избранныхъ монастыряхъ, другой — въ дѣйствующей церковно-богослужебной практикѣ, весьма далекой отъ книжнаго Устава по своей полнотѣ и вмѣстѣ весьма разнообразный въ разныхъ „вѣсяхъ“ и „градахъ“ Руси православною. Спрашивается: какой же изъ этихъ „Уставовъ“ долженъ быть изучаемъ на урокахъ Церковнаго Устава въ училищѣ? — Первый? Но для чего же? Ужели только для того, чтобы показать учащимся, какъ его слѣдовало бы вы-

понять, если бы... это было возможно? Но изучать Уставъ полностью по богослужебнымъ книгамъ и тутъ же разъяснять учащимся невыполнимость его, съ одной стороны—напрасная и безцѣльная трата времени, съ другой—крайне рискованный приѣмъ въ воспитательномъ отношеніи: не значить ли это—внушить ученикамъ опасную идею, что не все обязательно, что изучается и проповѣдуется въ школѣ? А такъ какъ дѣло идетъ все же объ одномъ изъ предметовъ Закона Божія, то не перенесутъ ли они, какъ еще юные, недозрѣлые умы, подобнаго же заключенія и на всю совокупность основныхъ, священнѣйшихъ требованій Закона Божія? Если же поступится книжнымъ Уставомъ и руководствоваться при изученіи Богослуженія лишь принятой церковно-богослужебной практикой, то—какою же, принятою здѣсь?... Ясно, что дѣло и по этой части обстоитъ неладно и что такъ или иначе необходимо точно и опять-таки согласно со всѣми законными требованіями подлинной жизни урегулировать и это дѣло. И думается, что наиболѣе радикальнымъ и цѣлесообразнымъ разрѣшеніемъ указаннаго затрудненія было бы пересмотрѣть, съ соизволенія и по указаніямъ высшей церковной власти, такъ сказать, юридически дѣйствующій книжный Церковный Уставъ, исключить изъ его богослужебныхъ чинопослѣдованій все *устарѣлое* (напр., ектенію объ оглашенныхъ на литургіи, обычно оставляемую въ прочихъ восточно-православныхъ церквахъ, когда на самомъ дѣлѣ не бываетъ въ храмѣ на лицо оглашенныхъ), все *излишнее* (напр., многократныя повторенія одного и того же на одной и той же службѣ) и все *второстепенное* (напр. пѣніе непременно всѣхъ стихирь или тропарей канона, положенныхъ въ Уставѣ) и затѣмъ издать сокращенный такимъ образомъ, соотвѣтственно условіямъ современной трудовой жизни мірянъ, новый Церковный Уставъ для всеобщаго и уже безусловно-обязательнаго употребленія во всѣхъ приходскихъ и школьныхъ церквахъ,—каковой Уставъ уже безъ всякихъ неудобствъ и затрудненій могъ бы быть и предметомъ изученія въ *школахъ*.

4. *Отсутствіе подготовленнаго къ своему дѣлу педагогическаго персонала въ училищахъ*. Если отъ предметовъ обученія и ихъ постановки въ училищѣ мы обратимся къ тѣмъ лицамъ, кои стоятъ непосредственно у учебно-воспитательнаго дѣла и заправляютъ имъ, то увидимъ, что и здѣсь далеко не все обстоитъ благополучно и многое требуетъ радикальныхъ перемѣнъ и обновленія. Прежде всего, отбросивъ въ сторону всякія личныя самолюбія, поставимъ прямо и смѣло коренной вопросъ, выдвигаемый жизненными интересами столь капитальнаго дѣла: кто такіе мы, *педагоги* духовной школы? кто, гдѣ и какъ готовилъ насъ къ столь великому и страшно отвѣтственному предъ отечествомъ и церковью дѣлу, каково именно обученіе и воспитаніе цѣлыхъ поколѣній будущихъ

гражданъ, общественно-государственныхъ дѣятелей и служителей церкви? Въ громадномъ большинствѣ мы—люди съ высшимъ, академическимъ образованіемъ, промотившіе, такъ сказать, за 14 лѣтъ обученія уйму всякаго рода общеобразовательныхъ и спеціальныхъ наукъ, но... все такихъ наукъ, кои (за исключеніемъ, развѣ, общей педагогики) не имѣютъ никакого отношенія къ учебно-воспитательному дѣлу. Насъ учили разнымъ и древнимъ и новымъ языкамъ, учили высокому и глубокому богословствованію и философствованію, учили самостоятельному изслѣдованію разныхъ научныхъ вопросовъ; но... какъ именно нужно *учить и воспитывать другихъ*,—этому насъ никто и никакъ не училъ, хотя и знали власть имущіе люди, что именно этому дѣлу посвящать себя по меньшей мѣрѣ $\frac{9}{10}$ кончающихъ академическій курсъ. Какъ же мы сдѣлались педагогами-то? А очень просто: намъ сообщили оффиціально бумагой за №-омъ: идите, моль, туда-то учить и воспитывать,—мы пошли и стали, учить и воспитывать?.. Но развѣ учить и воспитывать такъ дѣйствительно легко и просто, что... „пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ“? О, нѣтъ,—тѣ изъ молодыхъ педагоговъ, которые принимаются за это дѣло съ серьезнымъ желаніемъ послужить ему вѣрой и правдой, посвятить ему все свои силы, вскорѣ же воочію и съ грустію убѣждаются въ томъ, какое это многосложное и многотрудное дѣло, но убѣждаются уже путемъ горькаго личнаго опыта, послѣ дѣлаго ряда грубыхъ, хотя и невольныхъ, ошибокъ, безтактностей и напрасныхъ огорченій и для себя и для другихъ, а больше всего—для ввѣренныхъ имъ „малыхъ сихъ“. Конечно, при наличности личнаго расположенія и способности къ этому дѣлу, такой педагогъ съ теченіемъ времени, путемъ умудряющаго опыта и самоисправленія, хотя и съ трудомъ, преодолеваетъ подмѣченные имъ самимъ у себя недочеты въ веденіи дѣла, и, чувствуя подъ собой уже болѣе твердую почву, онъ готовъ уже смѣло и твердо идти впередъ по пути дальнѣйшаго совершенствованія своего преподавательскаго дѣла. Но первые неумѣлые шаги его въ этомъ дѣлѣ нерѣдко надолго оставляютъ свой печальный слѣдъ въ его педагогической карьерѣ, въ видѣ или подорванной репутаціи учителя, или испорченныхъ отношеній къ ученикамъ въ качествѣ воспитателя, — каковой слѣдъ, какъ всякое вообще сложившееся предубѣжденіе, уничтожить бываетъ не такъ-то легко.

Еще хуже обстоитъ, разумѣется, дѣло въ тѣхъ случаяхъ, когда въ случайной роли педагога является лицо, вовсе не призванное и даже не способное къ этому дѣлу,—человѣкъ, чуждый любви къ дѣтямъ, съ расшатанной нервной системой, безъ всякой выдержки въ личномъ характерѣ и вдобавокъ смотрящій на свое дѣло лишь какъ на тяжелую чиновничью повинность, съ точки зрѣнія „20-го числа“... Чего же можетъ ожидать школа отъ такого педагога? въ лучшемъ случаѣ—

лишь чисто чиновничьяго, бездушно-формальнаго и потому малоплоднаго отношенія къ дѣлу, въ худшемъ — того, что такъ рѣзко бьетъ въ глаза въ современной школѣ: потери уваженія со стороны учащихся къ авторитету педагога, отвращенія къ наукѣ и столь естественно возникающей отсюда „забастовки“, ожесточенія противъ самой школы и рождающихся отсюда озлобленно-дикихъ разгромовъ ея... Было бы, конечно, преувеличеніемъ отнести всѣ эти вопіющія, дикія „исторіи“, коими полна лѣтопись современной школы, на счетъ именно только указанной причины — неподготовленности настоящаго состава педагоговъ; но что и это обстоятельство въ данномъ случаѣ не безразлично, — это едва ли можно отрицать, положивъ руку на сердце.

Что же можетъ быть предпринято для устраненія указаннаго дефекта современной школы и въ частности школы духовной? Отвѣтъ ясенъ самъ собою: необходимъ особо подготовленный педагогическій персоналъ изъ лицъ не просто съ высшимъ, но именно съ специально-педагогическимъ высшимъ образованіемъ. Въ этихъ видахъ при всѣхъ академіяхъ или хотя бы при какой-либо одной изъ нихъ учреждается особое специально-педагогическое отдѣленіе, гдѣ и проходятъ академическій курсъ юноши, *желающіе* посвятить себя педагогическому дѣлу, при чемъ, помимо обще-обязательныхъ академическихъ наукъ, общихъ съ прочими отдѣленіями, изучаютъ и особую группу наукъ специально-педагогическихъ, какъ-то: 1) общую педагогику съ дидактикой, 2) методику преподаванія отдѣльныхъ предметовъ училищнаго и семинарскаго курса, 3) дополнительно-спеціальнѣйшій курсъ психологіи — психологію дѣтской души, 4) школьную гигиену, 5) нормальную организацію ученическихъ общежитій, съ историческимъ обзорѣніемъ этого вопроса въ русскихъ школахъ и съ очеркомъ положенія этого дѣла въ западно-европейскихъ школахъ. Параллельно съ приобретаемымъ такимъ образомъ основательнымъ и всестороннимъ теоретическимъ знаніемъ нормальной постановки всего школьнаго, учебно-воспитательнаго дѣла, будущіе педагоги — студенты знакомятся имѣстѣ съ тѣмъ и съ практикой этого дѣла: по учебной части — путемъ систематически-организованнаго наблюденія за преподаваніемъ въ мѣстныхъ, разумѣется, образцово поставленныхъ духовномъ училищѣ и духовной семинаріи, а также и путемъ личнаго соучастія въ веденіи образцовыхъ уроковъ тамъ же, подъ руководствомъ особыхъ специалистовъ-преподавателей; по воспитательной же части — путемъ опять-таки систематическихъ наблюденій и личной воспитательской практики, подъ руководствомъ особаго специалиста-воспитателя, въ образцово поставленныхъ общежитіяхъ при тѣхъ же мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. При такомъ положеніи дѣла, помимо основательной и всесторонней теоретической и практической подготовки къ свободно и за-

ранѣ избранной педагогической дѣятельности, каждый адептъ учительства или воспитательства будетъ имѣть полную возможность заблаговременно и многократно провѣрить какъ степень искренности и твердости своего желанія быть педагогомъ, такъ и степень собственной правоспособности или неспособности къ столь важному и отвѣтственному дѣлу — со стороны личнаго темперамента, характера, извѣстной выдержки въ обращеніи съ дѣтьми и требуемой дѣломъ особой трудоспособности педагога, и, если бы въ результатѣ такого самоиспытанія онъ пришелъ къ сознанію своей ошибки въ выборѣ преднамѣченной для себя общественной дѣятельности, то ничто не помѣшало бы ему своевременно исправить ошибку и такимъ образомъ заранѣе избавить и себя отъ школы и школу отъ себя.

Само собою разумѣется, что институтъ современныхъ надзирателей-семинаристовъ, обычно мѣняющихся въ училищѣ ежегодно, какъ бы на перепутьѣ къ высшему образованію, и потому вовсе неопытныхъ, а иногда даже и прямо вредныхъ для такого слишкомъ серьезнаго дѣла, безусловно отмѣняется; обязанности же воспитателей при ученикахъ возлагаются частію на преподавателей, какъ людей къ тому призванныхъ и специально подготовленныхъ, съ распредѣленіемъ между ними классовъ по общему педагогическому руководительству послѣдними въ качествѣ классныхъ наставниковъ, частію на особыхъ лицъ изъ тѣхъ же специально подготовленныхъ питомцевъ академіи, въ качествѣ помощниковъ классныхъ наставниковъ, но съ болѣе широкими полномочіями, съ возложеніемъ на нихъ очереднаго дежурства по ежедневному наблюденію за порядкомъ жизни и учебными занятіями учениковъ въ общежитіи, при чемъ эти воспитатели въ своихъ служебныхъ правахъ и преимуществахъ сравниваются съ преподавателями. Соучастіе преподавателей въ воспитательномъ дѣлѣ въ качествѣ классныхъ наставниковъ, слѣдящихъ за общимъ нравственнымъ направленіемъ и учебными успѣхами учениковъ своего класса, принимающихъ по соглашенію съ училищнымъ начальствомъ мѣры къ поднятію поведенія и успѣховъ въ классѣ, въ потребныхъ случаяхъ — чрезъ личныя или письменныя сношенія съ родителями учениковъ, и руководящихъ на основаніи особо выработанныхъ правилъ внѣкласснымъ чтеніемъ учениковъ, — безъ сомнѣнія, должно быть признано въ высокой степени цѣннымъ. Воспитательное дѣло сложное и многотрудное найдетъ въ лицѣ ихъ компетентныхъ и опытныхъ соработниковъ; учебное дѣло также много выиграетъ отъ соединенія въ одномъ лицѣ столь тѣсно связанныхъ педагогическихъ функций; ибо *учитель-воспитатель* долженъ стоять несравненно ближе къ своимъ ученикамъ и лучше знать психику и условія жизни каждаго изъ нихъ, а потому вѣрнѣе можетъ опредѣлить истинныя индивидуальныя способ-

ности и склонности ученика и направить ихъ въ надлежащую сторону, справедливѣе оцѣнить его дѣйствительныя познанія и примѣнить болѣе цѣлесообразныя мѣры къ ихъ улучшенію, чѣмъ—просто *учитель*. Едва-ли нужно добавлять, что таковой высокопочтенный трудъ преподавателей непременно долженъ быть соотвѣтственно вознаграждаемъ, „да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе“.

Б. *Неудовлетворительное служебное и матеріальное положеніе духовныхъ педагоговъ*. Если, по слову Самаго Господа Христа, „достоинъ есть дѣлатель мзды своея“ (Матѳ. X, 10), то нельзя не признать, что начертанная выше служба педагоговъ, имѣющая предъ собою столь широкую и отвѣтственную задачу и требующая отъ нихъ интенсивнѣйшаго напряженія всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, достойна того, чтобы соотвѣтственно возвысить служебное и матеріальное положеніе оныхъ „дѣлателей“ на „нивѣ Христовой“. Этого требуетъ не только простая справедливость, но и необходимость привлечь и прикрѣпить къ педагогической службѣ относительно лучшія силы, которыя нынѣ бѣгутъ отъ нея, какъ отъ службы неблагодарной, по разнымъ инымъ „распутіямъ міра“, гдѣ надѣются найти и находятъ лучшую оцѣнку своего труда. Въ самомъ дѣлѣ, что такое—учитель духовнаго училища или духовной семинаріи со стороны его служебныхъ „правъ и преимуществъ“? Это—чиновникъ VIII-го класса, такъ же, какъ, напр., и стеноначальникъ какой-нибудь скромной провинціальной канцеляріи, наука котораго обыкновенно не идетъ дальше духовнаго или городского училища и плоды трудовъ котораго знаютъ и цѣнятъ иногда только развѣ... архивныя крысы; такъ же, какъ и оный маленькій канцеляристъ, духовный педагогъ обреченъ весь вѣкъ свой тянуть лямку учителя, какъ бы онъ ни былъ талантливъ и какъ бы душа его, полная глубокихъ идей и благородныхъ стремленій, ни рвалась къ болѣе широкой административно-педагогической дѣятельности, ибо сіи послѣднія должности предназначаются прежде и чаще всего для людей „не отъ міра сего“. Согласимся, однако, съ тѣмъ, что этотъ издавна практикуемый въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ порядокъ вещей, т. е. предпочтеніе монашествующихъ при замѣщеніи оныхъ начальственныхъ должностей, быть можетъ, и необходимо для какихъ-либо „особо важныхъ“ цѣлей. Но тогда естественно было бы ожидать, что, не поощряемые движеніемъ по службѣ, педагоги будутъ по крайней мѣрѣ прилично вознаграждаемы въ матеріальномъ отношеніи, соотвѣтственно высотѣ лежащей на нихъ церковно-государственной задачи,—настолько „прилично“ для семейнаго человѣка, чтобы можно было всецѣло отдаться своему прямому дѣлу, безъ тяжелой думы объ удовлетвореніи насущнѣйшихъ нуждъ завтрашняго дня. — Но—уввы!—тогда какъ приказчики въ „порядочныхъ“ провинціальныхъ магазинахъ или мастера у подрядчиковъ—живописцевъ

получаютъ до 1500 р. въ годъ, трудъ духовнаго педагога—преподавателя оцѣнивается при *нормальномъ* количествѣ уроковъ (12-ти) лишь въ 750 р. при младшемъ окладѣ (въ первые 5 лѣтъ службы) и въ 900 р. при старшемъ окладѣ (до конца его житія),—т. е. оцѣнивается такъ же, какъ и совершенно ничтожный по существу трудъ какого-нибудь маленькаго канцеляриста. Правда, съ нѣкотораго времени для духовныхъ педагоговъ установлены и еще „высшіе оклады“: 3-го разряда въ 1250 р. за 12 уроковъ и 4-го разряда въ 1500 р. за то же количество уроковъ; но объ этихъ окладахъ серьезно нельзя даже и говорить, такъ какъ они (въ училищахъ—лишь одинъ первый и въ семинаріяхъ—оба) не выслуживаются каждымъ преподавателемъ въ поощреніе за долготѣльную или выдающуюся по качеству службу, а просто назначаются лишь по одному на всю корпорацію, и, разъ одинъ счастливецъ получилъ такой окладъ, то уже никто другой, „хоть семь пядей имѣй во лбу“ или вдвое дольше затѣмъ служи, не получить его, пока оный счастливецъ такъ или иначе не освободитъ этого оклада, напр.—черезъ переходъ въ другое училище или семинарію; но, разъ почему-либо перешелъ, то, значитъ, и онъ опять возвращаясь въ „первобытное состояніе“—на 900 р., ибо въ ономъ училищѣ или семинаріи можетъ оказаться свой счастливчикъ, получающій уже „высшій“ окладъ.... И выходитъ, что эти „высшіе“ оклады—лишь заманчивый „журавль въ небѣ“, неотъемлемою же собственностію духовный педагогъ можетъ считать лишь маленькую „синицу въ рукахъ“, т. е. обычные нормальные оклады—750 и 900 р. въ годъ, и, если нѣтъ у него какихъ-нибудь дополнительныхъ уроковъ въ своей или чужой школѣ, то онъ съ своей семьей обреченъ прямо на полуголодную, полунищенскую жизнь. Гдѣ же ему, этому несчастному педагогу, черпать энергію для своего тяжелаго труда, требующаго непремѣнно спокойнаго равновѣсія духа и собранности мысли, если сегодня—не на что купить обѣдъ, завтра—нечѣмъ заплатить врачу и за лѣкарства для заболѣвшей жены или ребенка, послѣ завтра—нечего послать на содержаніе сыну, учащемуся на сторонѣ и т. д. и т. д.?!... Какія *глубокія* мысли объ учебномъ дѣлѣ пойдутъ ему въ голову, или какія *мягкія* и „сердечныя“ выраженія въ обращеніи съ питомцами будутъ срываться у него съ языка, когда въ умѣ неотступно стоитъ лишь одна мысль—о горькой нуждѣ и въ сердцѣ клокочетъ лишь одно чувство—горькой обиды!.. И бѣгутъ—бѣгутъ такіе несчастные, быть можетъ, наиболѣе талантливые и трудоспособные люди, либо въ... канцелярію, либо въ акцизъ,—на болѣе широкую и привольную, хотя, быть можетъ, и вовсе не симпатичную имъ, службу.

Что же именно нужно для того, чтобы улучшить *служебное* и *матеріальное* положеніе духовныхъ педагоговъ и такимъ образомъ привлечь къ педагогической службѣ спе-

ціально подготовленныя къ ней лучшія силы изъ духовнаго юношества и затѣмъ возможно — крѣпче привязать ихъ къ оной службѣ? Для улучшенія ихъ служебнаго положенія, прежде всего, необходимо обезпечить за ними возможность одинаково доступнаго для всѣхъ, въ извѣстныхъ границахъ, движенія по службѣ, независимо отъ того, будетъ ли это *монашествующее или не монашествующее лицо*, — съ тѣмъ, чтобы на начальственныя должности назначались вообще лица, пользующіяся репутаціей выдающихся по своимъ дарованіямъ, знанію дѣла и опытности педагоговъ, — лучше всего по представленію мѣстнаго епископа, руководствующаго при этомъ заключеніемъ *особаго совѣщанія*, подъ его предсѣдательствомъ, изъ педагогическихъ корпорацій мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній и болѣе видныхъ представителей мѣстнаго духовенства. Что же касается улучшенія ихъ матеріальнаго положенія, то, намъ думается, было бы цѣлесообразнѣе уничтожить всѣ эти полуфиктивные 4-разрядные оклады, изъ коихъ первые два (въ 750 и 900 р.) уже давнымъ-давно отстали отъ дѣйствительныхъ потребностей жизни, а вторые два (въ 1250 и 1500 р.) являются достояніемъ немногихъ случайныхъ счастливицевъ, и установить вмѣсто нихъ просто прогрессивное и для всѣхъ одинаково доступное увеличеніе жалованья, съ первоначальнымъ окладомъ не менѣе 1000 руб. въ годъ за 12 недѣльныхъ уроковъ, каковой окладъ затѣмъ чрезъ каждое 5-лѣтіе, въ теченіе 25 лѣтъ, увеличивается на 20% первоначальнаго оклада (слѣдовательно, во 2-ое пятилѣтіе преподаватель получаетъ 1,200 р., въ 3-ье—1,400 р., въ 4-ое—1,600 р. и въ 5-ое—1,800 р.). На ряду съ преподавателями, разумѣется, должно быть соответственно увеличено содержаніе и начальствующимъ лицамъ — смотрителю училища и его помощнику: первому — не менѣе 2,400 руб. и второму — 1,800 р. въ годъ.

Само собою понятно, что достаточно обезпеченные, основательно подготовленные и преданные своему дѣлу педагоги, безъ сомнѣнія, и сами не будутъ искать случая бѣжать на какую бы то ни было другую, болѣе обезпеченную, службу, и вмѣстѣ съ тѣмъ смогутъ, конечно, поставить свое излюбленное педагогическое дѣло такъ, чтобы и ихъ питомцы полюбили свою любящую *alma materem*.

6. *Неприспособленность учебнаго курса духовныхъ училищъ къ существующему курсу свѣтской общеобразовательной школы.* Весьма серьезнымъ дефектомъ современной духовной школы, нельзя не признать также и того обстоятельства, что учебный курсъ духовныхъ училищъ и младшихъ классовъ семинарій совершенно не приспособленъ къ курсу свѣтской общеобразовательной школы. Какъ уже было отмѣчено выше (п. 2), въ составѣ духовно-училищнаго курса, частію за кратковременностію его, частію же вслѣдствіе господствующаго положенія классицизма, нѣтъ вовсе такихъ общеобразователь-

ныхъ наукъ, какъ исторія гражданская и церковная, словесность, естествознаніе и новые языки, кои, однако, преподаются въ соответствующихъ классахъ гимназій и реального училища. Помнимо того, что отсутствіе названныхъ предметовъ въ курсѣ духовныхъ училищъ, какъ мы видѣли, крайне принижаетъ общеобразовательное значеніе ихъ, какъ школы всеже общеобразовательной, по крайней мѣрѣ—для тѣхъ ея питомцевъ, кои почему-либо не могутъ продолжать образованія въ семинаріи,—означенное обстоятельство вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ совершенно невозможнымъ переходъ какъ изъ училища, такъ и изъ младшихъ классовъ семинаріи въ соответствующіе классы свѣтской общеобразовательной школы для тѣхъ воспитанниковъ, которыхъ родители почему-либо сочли бы нужнымъ перевести въ свѣтскую школу или которые, не питая въ душѣ никакого тяготѣнія къ церковно-служительскому званію и не считая себя даже способными къ оному, пожелали бы по окончаніи училища перейти въ соответствующій классъ средней свѣтской школы.

Такимъ образомъ, воспитанникъ современной духовной школы, случайно попавъ въ нее еще юнцомъ, когда онъ былъ еще не способенъ разобраться въ своихъ наклонностяхъ и силахъ и не имѣя возможности перейти въ иную школу, когда восчувствуетъ уже въ этомъ потребность, какъ бы принудительно толкается къ изученію семинарскихъ богословскихъ наукъ, кои не соответствуютъ его складу ума, и къ принятію затѣмъ духовнаго сана, къ коему не лежитъ его сердце. Къ чему же все это ведетъ въ концѣ концовъ? Ни къ чему иному, думается намъ, какъ, во-1-хъ, къ личному разочарованію и несчастью человѣка, которому навязываютъ совсѣмъ не то, чего онъ желаетъ, во-2-хъ, къ несчастью для церкви, которая пріобрѣтаетъ въ немъ, навѣрное, не пастыря, а наемника, если только не волка, расхищающаго стадо Христово, и, въ—3-хъ, къ тому глухому недовольству, коимъ, быть можетъ, въ немалой степени питаются переживаемые нами хроническіе „бунты“ и „забастовки“ семинаристовъ.

Резюмируя все вышеизложенное, приходимъ къ заключенію о необходимости реформировать духовныя училища на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Современное Духовное училище, сохраняя свое настоящее имя, съ коимъ связано не мало и добрыхъ воспоминаній въ исторіи духовнаго просвѣщенія, преобразуется во *всесловную, общеобразовательную* и вмѣстѣ *конфессіонально-церковную 6-ти-классную* школу, какъ бы въ духовную прогимназію.

Освобожденіе духовной школы отъ ея настоящаго узкословнаго характера, когда пріемъ инословныхъ дѣтей ограниченъ лишь 10% общаго количества вновь поступающихъ, да и то при наличности свободныхъ вакансій послѣ пріема дѣтей мѣстнаго духовенства, нельзя не признать, по

существо, весьма желательнымъ, во-1-хъ, потому, что совмѣстное обученіе и воспитаніе въ духовныхъ школахъ дѣтей духовенства съ дѣтьми другихъ сословій, безъ сомнѣнія, тѣснѣе сблизило бы духовенство съ сими послѣдними и постепенно сгладило бы настоящее тягостное для него самого и вредное для пастырскаго дѣла отчужденіе его, какъ сословія „не отъ міра сего“, хотя и призваннаго къ служенію міру сему; во-2-хъ, потому, что, разъ духовныя училища, при ихъ до нѣкоторой степени конфессіональномъ характерѣ, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и строго общеобразовательными, сближенными по курсу наукъ со свѣтскими средними школами, то въ таковыя духовныя школы, какъ можно думать, охотно будутъ поступать и дѣти изъ хорошихъ, благовоспитанныхъ, благочестиво настроенныхъ и преданныхъ Церкви инословныхъ семействъ, слѣдовательно—такія дѣти, которыя могутъ только усилить численно и улучшить качественно нынѣ все болѣе и болѣе рѣдѣющій контингентъ будущихъ служителей Церкви; въ-3-хъ, потому, что только при условіи общедоступности духовныхъ училищъ для всѣхъ сословій, думается намъ, и можетъ сохранить за собой духовенство столь широко практикуемое имъ нынѣ пользованіе церковными доходами для содержанія училищъ, безъ опасенія, что оныя денежные ресурсы будутъ отобраны у него и употреблены на иныя народно-просвѣтительныя или благотворительныя дѣла. Считаемъ, однако, нужнымъ оговориться, что, высказываясь за открытіе духовныхъ училищъ для всѣхъ сословій, мы заранѣе обусловливаемъ эту уступку духовенства тѣмъ, если и ему, въ видѣ справедливой и необходимой компенсаціи, будетъ обезпечена государствомъ или обществомъ возможность (путемъ назначенія духовенству приличнаго его положенію жалованья или учрежденія достаточнаго числа особыхъ стипендій) воспитывать своихъ дѣтей въ свѣтскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ на такихъ же приблизительно льготныхъ началахъ, какъ и нынѣ, когда сироты содержатся даромъ, а не сироты имѣютъ возможность платить за полное содержаніе въ училищныхъ общежитіяхъ лишь отъ 70 до 100—115 р. въ годъ. Въ противномъ же случаѣ, вынуждаемое попрежнему воспитывать своихъ дѣтей только въ духовныхъ школахъ, оно будетъ и изъ послѣднихъ вытѣсняться подъ напоромъ широкаго прилива инословныхъ дѣтей,—что было бы вопіющею несправедливостью и нарушеніемъ исторически сложившихся прерогативъ духовенства въ отношеніи къ созданнымъ его трудами и усиліями духовнымъ школамъ.

Сочетаніе въ учебномъ курсѣ училищъ элементовъ общеобразовательнаго и конфессіонально-церковнаго дастъ возможность питомцамъ училища, съ достаточно уже опредѣлившимися ко времени окончанія курса личными склонностями и тяготѣніями, свободно избрать себѣ тотъ или другой

видъ дальнѣйшаго образованія, тотъ или другой путь жизни, а именно: или поступить въ духовную, также реформированную, уже специально-богословскую семинарію (съ 3 или 4-хъ-годичнымъ курсомъ), если окончившій духовное училище воспитанникъ тяготѣетъ къ пастырскому служенію Церкви, или перейти въ соотвѣтствующій, VII-й классъ свѣтской среднеобразовательной школы, если въ его юной, но уже мыслящей душѣ предносятся иные, также законные и благородные идеалы жизни, или же, при нежеланіи или невозможности продолжать образованіе въ той или другой школѣ, — посвятить себя служенію Церкви въ низшихъ должностяхъ клира (псаломщика или діакона).

Установленіе же именно 6-ти классовъ въ преобразуемомъ училищѣ мотивируется, во-1-хъ, тѣмъ, что, по пынѣ дѣйствующему распредѣленію учебныхъ предметовъ въ мужскихъ гимназіяхъ по классамъ, къ VII-му классу заканчиваются курсы основныхъ, наиболѣе важныхъ для общеобразовательныхъ цѣлей предметовъ, какъ-то: священная исторія, катихизисъ, богослуженіе, церковная исторія, русскій языкъ, ариметика, алгебра, геометрія, географія, природовѣдѣніе и рисованіе; во-2-хъ, тѣмъ, что къ этому времени, къ возрасту въ 16—18 лѣтъ и подъ вліяніемъ вышеотмѣченныхъ, только что законченныхъ наукъ, могутъ естественно сложиться у воспитанниковъ уже болѣе или менѣе опредѣленные стремленія въ ту или другую сторону по разнымъ путямъ науки и жизни; въ 3-хъ, тѣмъ соображеніемъ, чтобы отдѣленіемъ двухъ младшихъ классовъ семинаріи къ училищу, съ одной стороны, уравнивъ численный составъ питомцевъ той и другой духовной школы и такимъ образомъ ослабить одно изъ серьезныхъ золъ современныхъ семинарій — чрезмѣрное переполненіе многихъ изъ нихъ (до 700 уч.), съ другой — цѣлесообразнѣе въ воспитательномъ отношеніи распредѣлить воспитанниковъ между означенными школами даже и по самому возрасту, съ сосредоточеніемъ въ училищахъ дѣтей или еще только переходящихъ отъ дѣтскаго къ юношескому возрасту (отъ 10 до 16—18 л.), требующихъ и соотвѣтствующаго, болѣе или менѣе педагогично-регулярнаго режима, въ семинаріяхъ же — юношей (отъ 16 до 20—24 л.), въ значительной степени уже самодовлѣющихъ и потому нуждающихся нѣсколько въ иномъ режимѣ.

2. Для осуществленія *общеобразовательной* задачи учебный курсъ преобразуемаго училища, какъ по составу учебныхъ предметовъ, такъ и по ихъ программамъ, сблизается почти до полнаго тождества съ курсомъ первыхъ 6-ти классовъ нормальной среднеобразовательной свѣтской школы (см. далѣе таблицу), лишь съ тѣми незначительными измѣненіями, кои вызываются необходимостью, съ одной стороны, сообщить училищному курсу болѣе или менѣе законченный общеобразовательный характеръ (для чего въ VI классѣ преподается

словесность, изучаемая въ гимназіи въ VII и VIII кл., а въ V и VI кл.—*физика*, проходимая въ гимназіи въ VI и VII кл.), съ другой—согласовать общеобразовательную задачу съ задачей конфессіонально-церковной. Для достиженія же сей послѣдней задачи, во-1-хъ, въ составъ учебнаго курса училища вводятся (или, точнѣе, сохраняются) такіе необходимые церковно-практическіе предметы, какъ церковно-славянскій языкъ, церковный уставъ и церковное пѣніе, кои въ свѣтской среднеобразовательной школѣ или вовсе не изучаются, или изучаются лишь теоретически и вообще въ весьма недостаточной степени; во-2-хъ, во внутреннемъ укладѣ школьной жизни воспитанниковъ поддерживается сравнительно болѣе строгій религіозно-нравственный режимъ и всячески прививается живая и нелицемѣрная любовь къ православно-русской церковности.

Греческій языкъ, изучаемый нынѣ въ гимназіи лишь факультативно, какъ предметъ необязательный, безъ всякаго ущерба для образовательныхъ цѣлей училища можетъ быть вовсе *исключенъ* изъ состава училищныхъ наукъ и перенесенъ въ преобразуемую духовную семинарію, какъ спеціально-богословскую школу, для которой, какъ и для духовной академіи, онъ имѣетъ безусловно важное, вспомогательно-научное значеніе при изученіи спеціально-богословскихъ наукъ.

Само собою разумѣется, что составъ общеобразовательныхъ предметовъ училищнаго курса, согласованный съ современнымъ составомъ учебныхъ предметовъ гимназическаго курса, въ случаѣ могущихъ послѣдовать какихъ-либо измѣненій въ послѣднемъ, долженъ быть также подвергаемъ соотвѣтственнымъ измѣненіямъ.

3. Постановкѣ преподаванія всѣхъ вообще учебныхъ предметовъ и въ частности Закона Божія долженъ быть приданъ болѣе *жизненный* и *идейный* характеръ. Такъ, въ курсѣ *Священной Исторіи Ветхаго Завета* долженъ всецѣло господствовать элементъ *мессіанскій*: пророчества, прообразы и изъ событій нишъ такія, кои имѣли провиденціально-мессіанское значеніе въ исторической жизни еврейскаго народа, и тщательно должно быть устранено все то, что не имѣло сколько-нибудь близкаго отношенія къ мессіанской идеѣ Ветхаго Завета.—Въ дополненіе къ *Катихизису* и параллельно съ изученіемъ его, желательно было бы знакомить учащихся съ выдающимися наиболѣе характерными и поучительными примѣрами *живой вѣры и благочестія* изъ жизни святыхъ Церкви Христовой, въ видѣ особо подобранаго сборника таковыхъ „Примѣровъ“.—Для болѣе сознательнаго и практически-цѣлесообразнаго изученія *Церковнаго Устава*, сей послѣдній слѣдовало бы *пересмотрѣть* въ цѣляхъ приведенія его въ болѣе стройную систему и согласованія съ дѣйствительными потребностями мірскаго (а не монастырскаго) уклада жизни.

4. Въ помощь школьной инспекціи было бы весьма желательно создать въ преобразуемомъ училищѣ институтъ *классныхъ наставниковъ*, на коихъ могло бы быть возложено ближайшее и непосредственное нравственно-воспитательное воздѣйствіе на учащихся,—что въ значительной степени подняло бы и упрочило бы нравственный авторитетъ преподавателей и вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ сомнѣнія, содѣйствовало бы болѣе успѣшной постановкѣ всего учебно-воспитательнаго дѣла, хотя бы уже потому, что тогда всѣ педагоги школы естественно объединились бы въ чувствѣ солидарности, заинтересованности и одинаковой отвѣтственности за положеніе дѣлъ въ школѣ.

5. Для обезпеченія преобразуемыхъ духовныхъ школъ дѣйствительно *призванными* и *спеціально-подготовленными педагогами*, правоспособными надлежало бы поставить новую школу на столь желанный новый путь, слѣдовало бы при существующихъ Духовныхъ Академіяхъ учредить особыя, *спеціально-педагогическія отдѣленія*, гдѣ студенты, предназначенныя себя къ педагогическому дѣлу, получали бы широкую и основательную, не теоретическую только, но и практическую подготовку къ оному дѣлу.

6. *Начальственныя должности* въ преобразуемыхъ духовныхъ школахъ замѣщаются лицами, не только удовлетворяющими своему назначенію по образовательному цензу и *педагогической опытности*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *желательными* для тѣхъ, кто непосредственно заинтересованъ въ благосостояніи данной школы, т. е. лицами, *выбираемыми*, по возможности, изъ мѣстныхъ кандидатовъ въ соединенномъ собраніи мѣстныхъ духовно-педагогическихъ корпорацій и представителей духовенства, съ мѣстнымъ же Преосвященнымъ Архипастыремъ во главѣ.

7. *Наконецъ, въ цѣляхъ* привлеченія возможно лучшихъ силъ къ педагогическому дѣлу, представляется необходимымъ *возвысить* всѣми возможными способами *служебное положеніе* педагоговъ духовной школы и особенно *улучшить* ихъ *матеріальное содержаніе* настолько, чтобы они могли всецѣло, „съ радостію, а не въздыхающе“, отдаться своему излюбленному, многотрудному и благоплодному дѣлу.

Расписание учебныхъ предметовъ въ преобразуемомъ духовн. училищѣ
(по сравненію съ мужской гимназіей).

№№	НАЗВАНІЯ ПРЕДМЕТОВЪ.	КОЛИЧЕСТВО УРОКОВЪ.														
		К Л А С С Ы.														
		I.		II.		III.		IV.		V.		VI.		ВСЕГО.		
		Гимн.	Учил.	Гимн.	Учил.	Гимн.	Учил.	Гимн.	Учил.	Гимн.	Учил.	Гимн.	Учил.	Гимн.	Учил.	
1.	Свящ. Исторія	2	2	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	4
2.	Катихизисъ	—	—	—	—	—	3	2	3	1	—	—	—	—	3	6
3.	Богослуженіе Пр. Цер. .	—	—	—	—	2	—	—	—	—	1	—	2	—	2	3
4.	Церковн. Исторія.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	2	—	3	3
5.	Гражд. Исторія.	2	2	2	2	2	2	3	3	4	3	3	2	—	16	14
6.	Русскій языкъ.	5	4	5	4	4	3	4	3	3	3	5	3	—	26	20
7.	Церк.-славян. яз.	—	1	—	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	4
8.	Словесность	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	3
9.	Латинскій яз.	—	—	—	—	5	3	5	4	5	4	5	4	—	20	15
10.	Нѣмецкій яз.	5	4	3	3	3	3	3	3	3	3	3	2	—	20	18
11.	Французскій яз.	—	—	6	4	3	3	4	3	4	3	3	2	—	20	16
12.	Ариѳметика	4	4	4	4	2	2	—	—	—	—	—	—	—	10	10
13.	Алгебра	—	—	—	—	2	2	2	2	2	2	2	2	—	8	8
14.	Геометрія	—	—	—	—	—	—	2	2	3	3	2	2	—	7	7
15.	Физика	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	3	2	—	3	4
16.	Природовѣдѣніе	2	2	2	2	2	2	—	—	—	—	—	—	—	6	6
17.	Географія	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	—	—	—	10	10
18.	Рисованіе	2	2	2	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	5	5
19.	Чистописаніе.	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
20.	Церковное пѣніе.	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—	2	—	—	7
ИТОГО		26	26	28	27	28	28	27	27	28	28	28	28	—	166	165

Смотритель Оренбургскаго дух. училища **Ө. Макарьевъ.**
15 октября 1905 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки